Неопределенность и человеческая действительность: метафизические метафоры и метафорическая метафизика.

Аннотация: на материале физики, лингвистики, физиологии, психологии и философии в статье рассматривается проблема неопределенности как фундаментального и необходимого условия свободного человеческого действия.

Ключевые слова: неопределенность, свобода, сингулярность, Multiverse

Николай Вересов

*Университет Монаш, Мельбурн, Австралия
Monash University, Melbourne Australia,*

*Мы знаем действия многих
причин, но мы не знаем причин
многих действий.*

Ч.К. Колтон

Когда говорим или размышляем о неопределенности, то первое что приходит в голову, особенно если человек испорчен некоторым высшим образованием, это принцип неопределенности Гейзенберга. Давайте с него и начнём. Здесь для нас интересен не сам принцип, как фундаментальная характеристика физической реальности, но история появления этого принципа.

История эта началась, как известно, с кризиса в физике, который лучше бы назвать паникой в умах физиков под лозунгом «материя исчезла». А, почему собственно, материя исчезла? Просто в поле зрения учёных появились физические тела, которые не подчинялись законам классической механики да так, что оказалось невозможным точно определить, каким законам они подчиняются, или вообще никаким не подчиняются. Если прочесть

переписку великих физиков и другие доступные материалы на эту тему, а они опубликованы, то состояние умов физиков, царившее в то время можно выразить одной фразой из «Дневника писателя» Достоевского, сказанных, конечно, по совсем другому поводу: «Разум оказался несостоятельным перед действительностью» (Достоевский, 1989, с. 426). Материя, конечно, никуда не исчезла, однако исчезновение всеобщей определенности, зависимости от определенных-же законов, лежащих в основе материи, было воспринято как исчезновение самой материи.

Но, как известно, в конце концов, всё встало на свои места, когда появился принцип неопределенности Гейзенберга, а точнее, принцип соотношения неопределенностей. Мы, например, можем точно определить либо скорость (то есть, импульс), либо положение частицы, но никогда и то и другое одновременно с одинаковой точностью. Разум, что называется, восстановил свои права и свою состоятельность. И, как сказал другой хороший писатель, и тоже совсем по другому поводу, «жизнь стала казаться более осмысленной и логичной. Ведь кошмар и безнадежность — еще не самое плохое. Самое ужасное — хаос» (Довлатов, 2006, с. 123). Урок состоял в том, что пришлось признать, что неопределимость (неопределенность) какого-то одного физического параметра является условием, при котором только становится возможным определить какой-то иной физический параметр. И, что вообще ещё более интересно, нам пришлось признать, что неопределенность проявляется лишь тогда, когда мы начинаем пытаться что-то определить.

Но не всем это пришлось по душе. Я позволю себе в этой связи вспомнить одно из высказываний Стивена Хокинга:

«Сам Эйнштейн не смог принять квантовую механику из-за связанного с ней элемента случайности и неопределенности. Он сказал: Бог не играет в кости. Похоже, что Эйнштейн ошибся дважды. Квантовый эффект черной дыры позволяет предположить, что Бог не только играет в кости, но и иногда бросает их туда, где их нельзя увидеть» (Хокинг, 2017, с. 118)

На это один мой знакомый астрофизик сказал не без иронии: конечно, он не играет в кости... Потому что он играет в покер.

Эта история поучительна тем, что мы порой приписываем реальности некоторые характеристики и через них определяем саму эту реальность и если что-то идёт не так, и наши определители перестают работать, то для нас это выглядит как потеря, утрата самой реальности, что вызывает умственную панику и не только умственную. В этом смысле это пример сингулярности, то есть такого состояния, когда быстрые изменения приводят к тому, что старые

объяснительные схемы-определители просто перестают работать. К сингулярности мы ещё вернемся, а пока перейду ко второй метафоре.

Моя вторая метафорическая история связана с известной китайской пословицей «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен», которую приписывают Конфуцию, но на самом деле это такое изысканное ругательное пожелание – «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». Но вот знаменитый буддийский исследователь Пема Чодрон (2016) показал в своей книге, что на самом деле в этом «приятном» пожелании говорится не столько об эпохе перемен, сколько об эпохе неопределенности. Перемены происходят постоянно и даже порой перемены к лучшему, и этим китайца не напугать, но перемены и неопределенность – это, как говорят в Одессе – две большие разницы. Неопределенность невыносима и потому заставляет определять жизнь заново и заново самоопределяться и потому пугает, даже ещё не наступив.

Язык – хранитель метафор, а сильные метафоры порой могут сказать нам много больше, чем научные определения и концепты. Самая знаменитая метафора – это, конечно, платоновская пещера с тенями – в ней вся понятийная сторона его философии выражена в сжатой образной метафорической образно-языковой форме. Но я буду говорить не о философско-метафизических метафорах, а скорее, о грамматически-смысловых.

В английском языке есть два слова, означающие неопределенность – indefinite и uncertainty.

Слово indefinite знают практически все - the present indefinite tense настоящее неопределенное время есть грамматическая форма. И вот уже здесь мы имеем пример метафоры: время - настоящее, то есть не будущее и не прошедшее, а значит довольно точно определенное, но и одновременно и неопределённое. То есть оно отделено от прошедшего и будущего, но и не определено. Забавно, что с некоторых пор его называют simple present – простое настоящее. Но на самом деле грамматически оно совсем не простое, а вполне себе определенное грамматически как настоящее неопределенное время. Или, если сказать по-английски, - definite indefinite – определенное неопределенное.

Русским аналогом здесь выступает слово «дефиниция» (indefinite – неопределенное, definite – определенное) – дефиниция, то есть по-русски говоря, определение.

В этом смысле определение означает выделение чего-то, установление предела (о-предел - ение), то есть установление или выявление границы, отделяющей одно от другого. То есть, иначе говоря, определение места, где кончается нечто одно и начинается нечто другое, в самом прямом топологическом смысле. Это как границы между странами, что выражено в устойчивых словосочетаниях – «за пределами нашей Родины», например. Самое интересное здесь в том, что, определяя, мы определяем лишь границу, предел. Сам язык говорит нам метафорическим, но весьма строгим, образом, что, определяя нечто, мы лишь определяем границу, разделяющую, отделяющую нечто одно неопределенное от чего-то другого неопределенного. Как Present indefinite tense – настоящее неопределённое время - отделяется от past indefinite tense – прошедшего неопределенного и от future indefinite – будущего неопределённого. И больше ничего мы здесь о-пределить не можем, и уж точно не можем выяснить, чем одно отличается от другого. Действительно, исследуя и определяя (о-пределивая) границы какой-то страны, мы вряд ли сможем выяснить, чем эта страна отличается от других, имеющих с ней общие границы.

Я использовал слово «выяснить» и потому самое время обратиться ко второму слову, означающему неопределенность в английском языке. Uncertainty- certainty. Здесь в смысле «неясность – ясность, четкость».

Это как очки, как фокус фотокамеры. Нечто попадает в объектив, в рамку видоискателя, определяясь, то отделяясь от всего остального, но обязательно нужны некоторые дополнительные действия по доведению того, что попало в объектив до четкости, ясности. Да и сам язык указывает на это, ведь слово «четко» есть почти синоним слову «ясно».

Значит, для выхода из неопределенности нужно сделать как минимум два шага. Первый – определение (о-пределение), и второй – прояснение. И вот когда мы мысленно пытаемся что-то определить, то первый шаг мы делаем довольно легко, а вот второй для многих просто не очевиден. Здесь Present indefinite хотя и определяется как present, но остаётся неопределённым, то есть indefinite.

Ну а поскольку речь пошла о мышлении, то я позволю себе здесь обратиться к психологии, а именно к психологии мышления. Мышление, как мы все знаем – это не то, что приходит в голову в виде якобы мыслей, а усилие по доведению их до ясности. По этому поводу один мой знакомый философ заметил следующее: мышление начинается не тогда, когда что-то приходит к вам в голову, оно может начаться или не начаться тогда, когда что-то приходит в вашу жизнь. То есть, мышление становится возможным и даже иногда (хотя и очень редко) случается, когда начинаешь мыслить о собственном мышлении, и делаешь его предметом мысли. Пятигорский и Мамардашвили до этого додумались или вместе, или по отдельности, но одновременно, и реализовали блистательно каждый на своём материале. Отсылаю пытливого читателя к Мерабу и его статье о «превращённых формах» (Мамардашвили, 2011) и к книге Пятигорского «Мышление и наблюдение» (2016).

Так вот, порой разум играет с нами хитрую штуку и выдаёт определенность (о-предЕленность) за ясность, которая возможна только на втором шаге в пределах этой о-предЕленности. Это именно пример того, что Гегель называл хитростью разума. А если это же рассмотреть по Канту, то это можно было бы вслед за ним назвать феноменологическим обобщением. Ну а если совсем просто, по Василию Давыдову – то это пример эмпирического обобщения, которым обладают дети старшего дошкольного возраста, когда они, например, объединяют предметы и геометрические фигуры по внешней форме (скажем, колесо и круг), по контуру, по внешним границам. Но дети вырастают, по счастью: но беда, когда эмпирические обобщения (определения) становятся единственными о-пределителями у взрослых...И вот когда эти определители не срабатывают, а второй шаг (прояснение) не делается, то и возникает ощущение страха перед неопределенностью, который тот же Давыдов называл «выученной беспомощностью». Причина, потому, не в неопределенности как таковой, а в ощущении полной беспомощности, по причине того, что не сделан второй шаг.

Я позволю себе назвать это первым условием самоопределения перед лицом неопределенности – и первым уроком, который мы можем извлечь, или, лучше сказать, первым правилом, правилом двух шагов.

Вторая линия моих размышлений на заданную тему касается понимания определенности и неопределенности в рамках принципа классического и неклассического детерминизма. Определенность здесь выступает как аспект,

или момент, причинности. То есть, определенность понимается как «предопределенность» следствия причиной. А значит зависимость следствия от причины. А не-зависимость, то есть не-предопределенность есть, между прочим, одно из проявлений свободы. Неопределенность как не-предопределенность, потому, есть условие свободы.

Между прочим, в психологии это понятие было осмыслено в рамках исследований по развитию произвольных действий (внешних предметных действий, и внутренних умственных действий и процессов) таких как произвольное внимание, произвольное запоминание и т.д. Отсюда и гениальная идея Выготского у двух линиях развития – природной, натуральной, целиком детерминированной биологическими и физиологическими законами и линии культурной, никакими биологическими законами не детерминированной, не предопределенной, а связанной с овладением человеком собственными реакциями, собственным поведением, и формированием собственных произвольных действий, то есть действий, не зависящих от внешних стимулов. Здесь я адресую вас к целой серии блистательных публикаций Екатерины Завершневой о дневниках Выготского под названием «Путь к свободе» (Завершнева, 2007).

Кстати, по-английски «произвольное действие» - voluntary action. И это очень напоминает русское слово «волюнтаризм», имеющее в русском языке некоторую негативную коннотацию. Но, на самом деле, произвольность - это не преодоление предопределенности (зависимости), как это часто понимают, а именно *преодоление неопределенности*, это выбор, обретение новых возможностей и способов действия, то есть шаг к свободе. Это реакции, которые не предопределены ничем, кроме самого человека. И поэтому реакции становятся действиями. А человеческие действия создают ту реальность, которую мы называем словом «человеческая действительность».

И здесь читатель может, конечно, сказать, что это идеализм, метафизика. Но то, что я говорю, имеет вполне материалистические основания. Мы имеем колоссальное наследие в работах великого русского физиолога Николая Александровича Бернштейна, в которых блистательно показывается, что человеческое материальное действие, то есть живое движение возможно только при наличии избыточных степеней свободы. На огромном экспериментальном материале Бернштейн показал, что уникальность каждого такого действия есть результат преодоления объективно существующих избыточных степеней свободы. Значит даже на уровне физиологии, свободного действия просто нет без избыточности, разнообразия.

Ребенок в младенческом возрасте начинает выделять лицо матери среди цветowych и световых пятен остального мира. Это, как всем известно, происходит в результате перцептивных действий. С другой стороны, мы воспринимаем предметы окружающего мира именно как отдельные предметы, строго говоря, только в силу того, что наши органы чувств способны воспринимать физический мир в некотором очень ограниченном волновом диапазоне. Рамка нашего видоискателя уже изначально природно настроена. А свойства этого физического мира мы выясняем лишь по мере наших действий в этом мире. И только тогда он становится реальной действительностью, то есть действительность становится человеческой действительностью именно в силу человеческого действия. И думаю, что нет необходимости уточнять, что об этом одинаково убедительно писали и Мерло-Понти (Merleau-Ponty, 1962), о чём знают все, и Запорожец вместе с Зинченко (1967), о чем мало кто помнит.

Сейчас я попробую обобщить: и физиология и психология пришли к тому пониманию, что свободное самоопределение человека возможно только в условиях неопределенности. А в свободном самоопределении, в самостоянии человека залог величия его, как сказал поэт.

А сейчас я вернусь к сингулярности. Мы живём в ситуации сингулярности, и не говорите, что сингулярность наступает, приходит - она уже наступила, пришла. И это, как всегда бывает в истории, вызывает страх и ужас в некоторых умах. Паника, связанная с вопросом «Как жить в условиях неопределенности?», овладевшая сознанием, вызывает ностальгию о прошлых временах, когда всё было ясно и определено. И это особенно заметно по социологии, и, кстати сказать, не только в России. Теряя чувство определенности, упорядоченности, люди теряют надежду.

Но надежда есть, ведь лучшие умы человечества и в физике, и в философии, и в физиологии, и в психологии (ограничусь только этим, потому что я сегодня только об этом говорю), дали некоторые ответы и могут нас научить кое-чему. Психология, к примеру, перестаёт быть наукой о теле, обладающем разумом, и становится наукой о разуме, обладающим (овладевшим) телом (действующим телом) и через это превращающийся в самоопределяющийся разум, самоопределяющийся в рамках той действительности, которую он сам и творит своими действиями.

Неопределенность – это огромное благо, это абсолютно необходимое условие для появления свободы, потому что свободное действие и свободная мысль становятся возможными только в условиях неопределенности, хотя никаких гарантий, конечно, нет. А вот сделать эту возможность действительностью сама по себе неопределенность не может, ибо, как я уже сказал, человеческая действительность есть результат человеческих действий.

Вспомним в этой связи слова Ильи Пригожина, сказанные много лет назад по отношению к физике, но вполне относимые к миру человеческой действительности. «Мы больше не очарованы рациональностью. Будущее больше не пред-задано, оно не вытекает из настоящего. Это означает конец классического идеала всеведения. Мир процессов, в которых мы живем и которые являются частью нас, уже не могут быть отвергнуты как проявления или иллюзии, определяемые нашим способом наблюдения» (1983, с. 78).

Но это касается времени в сингулярности. Но есть и другой взгляд на эту же проблему: я хочу вам напомнить о том, что в работе «Время и рассказ» Поль Рикер обнаружил у святого Августина понимание времени, то есть протяженности времени как расширения души (он даже использовал слово «растяженность души», если быть совсем точным) (Рикёр, 2000).

А что касается пространства сингулярности, то здесь просто невозможно не обратиться к ещё одному понятию, или как сейчас модно говорить, концепту – а именно к понятию Multiverse (множественные вселенные). И обойти его никак нельзя не только потому, что оно, как известно, просто прямо вытекает из принципа сингулярности, но ещё и потому, что оно оформляет онтологический статус неопределённости в рамках человеческой действительности. Строго говоря, мы живем **не** во вселенной человеческой действительности, мы живем во **вселенных, не в Universe, но в Multiverse**, которые сами же создаём и сами же разрушаем. И признание этого делает ещё более сложной, и даже почти невозможными и задачу самоопределения, и работу по самоопределению.

Но пока человек ещё не может стоять самостоятельно (простите за тавтологию), самоопределившись, он, как и всегда в таких случаях, нуждается в подпорках. Но, дабы это не выглядело обидным, давайте скажем иначе – он нуждается в опорах. Но что может стать такой опорой? Он сам пока не может этой опорой стать для самого себя и даже законы – социальные, экономические и прочие – считавшиеся вечными и незыблемыми, определяющими всё, что происходит в Universe, то есть

универсальными, теперь уже таковыми не являются. Иначе говоря, нужны опоры не универсальные, а *мультиверсальные*.

Как сказал когда-то Дмитрий Сергеевич Лихачёв, от человеческих обществ в истории остаются лишь произведения искусства. А один мой знакомый археолог добавил: да, произведения искусства и ещё мусор, которые сейчас находятся на соседних полках в исторических музеях, где черепки некогда разбитой и выброшенной на помойку древней амфоры соседствуют с греческой скульптурой.

Но ведь искусство это и есть отражение в особых формах Multiverse, причём задолго до того, как мы обнаружили Multiverse в человеческой действительности. Вспомните в этой связи хотя бы Бахтина и его идею о полифонии. Искусство в этом смысле может быть понято как исторический опыт отыскания, создания, опробования и отбора мультиверсальных опор для самоопределения. Но как обнаружить эти опоры и как они работают?

Для ответа на этот вопрос я хотел бы обратиться к одному явлению в психологии развития человека, которое было обнаружено и осмыслено много лет назад в теории великого Льва Выготского. Это явление он назвал взаимодействием идеальных и наличных форм. Суть его в том, что развитие человека происходит в процессе взаимодействия этих идеальных и наличных форм. Классический пример – развитие речи в первые три года жизни. Развитая речь появляется у ребенка примерно к трем годам. Но с первого момента жизни мать (а порой и отец) разговаривают с ребенком, используя развитую речь. Эту речь Выготский называл «идеальной формой», не в смысле того, что она самая лучшая, а в смысле того, что это то, что должно появиться у ребенка в конце цикла развития. А вот неразвитую речь ребенка он назвал «наличной формой». Получается, что в ходе развития, идеальные формы взаимодействуют с наличными формами, влияют на них (Выготский, 2001). И так, как это ни покажется странным, решается парадокс Пригожина – будущее время в виде идеальной формы (развитой речи взрослого) присутствует в настоящем, потому что взаимодействие идеальных и наличных форм происходит здесь и сейчас, то есть в настоящем. В этом смысле открытие Выготского ближе к Августину и Рикеру, чем к Пригожину. И это даёт надежду. Ведь когда человек вырастает, то есть проходит первые шаги самоопределения через взаимодействие с заданным им культурой идеальными формами, наступает следующий этап – он может начать сам выбирать те идеальные формы, с которыми он будет взаимодействовать. И если в его окружении нет культурных идеальных форм, а наоборот есть только примеры диких форм из телевизора, то он может искать и найти

культурные формы **вне** этого ближайшего окружения, то есть иначе говоря, выйти из Universe в Multiverse.

Где же их искать? В явлениях культуры, в искусстве, в Культуре в широком смысле слова. Ведь мультиверсальные опоры находятся именно там. Так открытие Выготского обретает особую ценность в условиях сингулярности, как преодоление навязываемых стереотипных идеальных форм, как возможность выхода в мир избыточных степеней свободы и преодоление их в свободном произвольном действии, которое в этом смысле и есть наличные формы, свободные в том смысле, что они не предопределены идеальными формами, а свободно взаимодействуют с ними.

Теперь попробую сформулировать некоторые выводы. В условиях сингулярности и множественных вселенных человеческой действительности, нужно научиться (и научить) по крайней мере, двум важнейшим вещам. Первая: нужно научиться различать определенность как о-предЕленность и как прояснение. Это минимальное условие, без которого невозможно самоопределение, самостояние человека. Вторая: нужно научиться (и научить) искать и находить идеальные культурные формы, взаимодействуя с которыми только и можно найти мультиверсальные опоры для собственного человеческого развития. Спасибо за внимание.

Литература

Выготский, Л. С. (2001). Лекции по педологии. Ижевск.

Довлатов, С. (2006). Заповедник. Азбука-классика.

Достоевский, Ф. М. (1989). Зимние заметки о летних впечатлениях. Собрание Сочинений в пятнадцати томах, Том 4., Ленинград, Наука.

Завершнева, Е. (2007). Путь к свободе (к публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского). Новое литературное обозрение, № 85, с. 67-90.

Запорожец, А., Венгер, Л., Зинченко, В., Ружская, А. (1967). Восприятие и действие. Москва, Просвещение.

Мамардашвили, М. К. (2011). Формы и содержание мышления. СПб., Азбука-Аттикус.

Пятигорский, А. М. (2016). Мышление и наблюдение: четыре лекции по наблюдательной философии. Москва, Азбука-классика.

Рикер, П. (2000). Время и рассказ. М – СПб.

Хокинг, С. (2018). Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр. Москва: АСТ.

Чодрон, П. (2016). Искусство жить в эпоху неопределенности и перемен. Ганга.

Merleau-Ponty, M. (1962). Phenomenology of perception. Routledge.

Prigogine, I. (1983). Probing into time. In M. Balaban (Ed.), Biological foundations and human nature (pp.47-80). New York: Academic Press.